ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2026–2027 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

I. [35 баллов] КОМПЛЕКТАЦИЯ БИБЛИОТЕКИ

1. [12 баллов] Онлайн-ресурс собирает книги, относящиеся к русской классической литературе, которые подошли бы иностранцам, желающим понять, как была устроена жизнь детей и подростков в России XIX века. Посоветуйте три реально существующих произведения, которые могут быть интересны иностранцу. Напишите имена авторов и названия произведений.
2. [23 балла] Опишите одно из этих произведений подробнее. Не пересказывая сюжет, расскажите о тематике и проблематике книги, главных героях, дайте характеристику жанру, опишите стиль автора. Постарайтесь определить, чем эта книга может быть интересна. Объём – около 250 слов.

Критерии оценки

1. За имя и фамилию автора – 2 балла. За название книги – 2 балла. Всего 12 баллов. Любая ошибка в названии или имени автора снимает 0,5 балла.
2.

Критерии оценки	**Баллы**
Продемонстрировано знакомство с текстом: названы герои, определены тематика и проблематика. Наличие/отсутствие фактических ошибок (при достаточном объёме текста и очевидном знакомстве с ним)	0–10
Описан стиль автора, а также жанр и/или форма	0–8
Мотивированность обращения именно к этой книге	0–3
Общая грамотность: наличие/отсутствие речевых, стилистических, грамматических, а также орфографических и пунктуационных Ошибок	0–2
Итого	23 балла

Всего за задание 35 баллов.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Анатолий Исаевич Кудрявицкий (род. 1954)

КРАСНЫЕ КАНАЛЫ МАРСА, РЫЖИЕ СЕТИ ВЕНЕРЫ

С высокой горы видна далёкая звезда, из дальних земель – возвышенно – родина. Взгляд в незримое не утомляет, взгляд сквозь вспомогательные устройства будит любопытство, взгляд в зеркало уводит в до отвращения знакомый отражённый мир.

Отсюда, из микрогосударства Сан-Марино, Италия виделась необозримой сверхстраной. Тамошний воздух удерживал меня на плаву, не плотностью своей, а наоборот, разреженностью. Праздник дыхания для моих астматических лёгких…

В том же отеле, что и я, жил профессор Персеваль. Философ и естествоиспытатель, он пребывал в ауре своих необычных астрономических теорий, что предшествовала ему как небольшое элегантное облачко. Персевалю было лет под шестьдесят, седина уверенно завладела его шевелюрой, но усы колосились безветренно – или даже наперекор ветрам. Глаза смотрели доверчиво, даже виновато – стеснялся ли он своих знаний? Был ли скромен? Он явно был человек светский, в том смысле, что свет жил в нём, а не наоборот.

Мне его представили. Я не спросил, откуда он был родом, однако по-английски он говорил с американским акцентом, выдававшим уроженца Новой Англии.

Профессор находился на ранней стадии научного энтузиазма – отличительная черта всех пришедших в точные науки со стороны: он был по образованию этнографом. Из облачка иногда процеживались рассуждения о познаваемости мира – и даже других миров.

– Загадкам хорошо и нетревожно живётся на этом свете, профессор. Лучше, чем живётся людям, – сказал я ему.

– Ну, мы их всё-таки иногда тревожим, – улыбнулся Персеваль. – Загадки будят воображение.

– А воображение рождает новые загадки, – пожал я плечами.

Солнечные лучи сложились в призменный домик, в окнах которого читалось что-то несуразное, скороговорочное: от простого к пресному, от красного к крестному, от краткости к кротости. Спираль познания витринно раскладывала свои витки, впечатывалась и впечатляла…

Профессор тем временем неким скачком кузнечика переменил тему.

– Здесь надо строить обсерваторию, – заявил он. – Отсюда лучше всего видна планета Венера. Наблюдать же за Марсом лучше всего из пустынь Аризоны. Я как раз этим и занимался в прошлом году…

– Строить обсерваторию? Где именно?

– На горе Монте-Титано. Чем выше, тем лучше.

И он замолчал. На двое суток.

Потом словесный родник забил вновь – и последовала повторная попытка меня заинтересовать. Профессор подсел ко мне за обедом и сообщил:

– Могу вам признаться, я уже устроил временную обсерваторию. В старой крепости на вершине холма… то есть, его здесь горой зовут… Помещение, конечно, не в очень хорошем состоянии, но лучше, чем ничего. Я установил там телескоп. Завтра начинается противостояние Марса. Если хотите взглянуть, могу взять вас с собой.

– Да, было бы любопытно, – ответил я.

– Кстати, вы можете помочь мне с телескопом. Его довольно сложно устанавливать, и лишняя пара рук всегда пригодится.

В тот день я осматривал архитектурное средневековье города Сан-Марино, а оно осматривало меня. Вечером профессор деликатно поскрёбся в мою дверь.

– Пора в путь.

Я в тот год уже совершил несколько горных прогулок по Апеннинам, так что снаряжение было у меня наготове. Но идти в горы в темноте – что-то в этом было странно ненужное.

Однако профессор объявил, что никакого снаряжения не надо, потому что почти весь путь – по тропе, широкой, как просёлочная дорога. Он принёс из своего номера два мощных фонаря.

– Они нам не помешают, – сказал он. – Но самый яркий светильник ночи уже зажжён – это луна!

Действительно, было полнолуние. Луна вела себя долгой дорогой прочь из города в темноту и облачные кусты. Вечер неслышно пел протяжную итальянскую песню. За нами неотвязным сообщником следовал запах крепкого табака и дешёвой еды.

Отель завершал собою город, из-за него выкатывался в долину ручей. Луна серебрила ветви олив, лилась белизной в ручей. Тропинка свернулась в клубок, развернулась, закатилась под какие-то кусты и незаметно выкатилась к подножию невысокой горы.

Мы поднимались прямо к луне, она убегала от нас, пряталась за деревьями, серебрила наши волосы. Вот мы уже поднялись высоко, тропинка, прежде широкая, как сельская улочка, наконец сузилась; где-то там, над нашими головами, была вершина.

У отколовшегося от скалы огромного камня, торчавшего остриём вверх и перегородившего собой дорогу, профессор остановился.

– Здесь, кажется, был обвал, совсем недавно, – сказал он. – Придётся идти в обход.

У камня росло несколько деревьев, их окружал кустарник. Профессор отстранил ветку и исчез, но очень скоро появился вновь.

– Всё в порядке, проход есть.

За кустарником начиналась пещера. Мы шагали вперёд, светя под ноги фонарями, и старались не шуметь, потому что эхо могло вызвать обвал. Наконец вдалеке засиял лунный свет.

Мы вышли из пещеры и остановились. Склон горы с этой стороны казался неживым. Профессор сказал, что другого пути сюда нет и что он сам тут был только однажды.

– Отсюда тоже можно выйти к старой крепости. Давайте подниматься. Только не сходите с тропы.

Тропа была довольно узкая, свет фонаря становился всё более тусклым, и я уже не рад был, что Персеваль меня сюда завёл. Мы продолжали подниматься по склону, и тут профессор удержал меня.

– Внизу горное озеро. Есть на что посмотреть! – тоном итальянского чичероне проговорил он.

В чёрных водах озера утонули облака, на время спрятавшие луну. Поверхность была идеально гладкая, без волн.

Вот наконец во всей своей красе вышла луна, заглянула в озеро, посмотрелась в его зеркало и снова спряталась за наплывшим облаком.

– Вершина за той скалой, – вспомнил о цели нашей прогулки профессор.

Вершин у этой горы, Монте-Титано, было несколько, и эта была довольно плоской и не самой высокой. На ней жёлто-песчаной шапкой громоздилась крепость, не такая большая, как знаменитая Гуаита, но всё же довольно внушительного размера. Персеваль отпёр некрашеную дверь.

Холодный промозглый воздух накинулся на нас, как будто долго собирал силы, готовясь к этому моменту. Телескоп оказался сравнительно небольшим. Мы расчехлили его и выкатили во внутренний двор.

– Я хотел завезти сюда оборудование получше, но не успел. Впрочем, завалы можно разобрать, а в крайнем случае взорвать – и дорога снова станет проходимой.

Вечер, не жалея сил, лил с высот прохладные воздушные струи, но снаружи дышалось легче, чем в склепном воздухе крепости. Вскоре труба нацелилась в небо, а профессор взгромоздился на металлическое сиденье. Он долго настраивал телескоп, потом достал из кармана блокнот и принялся старательно зарисовывать увиденное.

– Они каждый раз меняют очертания, но структура их всё та же, – пробормотал он. – Зависит, наверное, от угла зрения…

Потом он наконец снизошёл до меня и принялся объяснять:

– Я говорю о каналах Марса, описанных ещё Скиапарелли[1]. Я пытаюсь составить их карту…

Прилетели светлячки и составили свою карту вселенной, с каждой секундой меняющуюся, колышущуюся тайным фосфорно-зелёным светом.

Вот рисунок был окончен, и профессор откинулся назад, чуть не потеряв равновесие.

– Хотите посмотреть на Марс? – спросил он меня.

[1] Джованни Скиапарелли – итальянский астроном (1835–1910).

Я не заставил себя упрашивать и по прошествии нескольких телодвижений уже вглядывался в мутное облако.

– Наведите на резкость вот этим винтом… – последовал совет.

Всё прояснилось. В окуляре плыл красновато-туманный шар, и на нём проступали тёмные штрихи.

– Видите каналы? – нетерпеливо спросил профессор.

– Вижу какие-то линии…

– Вот вам бумага, рисуйте. Потом сравним.

Я перенёс виденное мною на бумагу.

Персеваль взял оба рисунка, несколько мгновений смотрел на них, удивлённо покачал головой и спросил:

– Вы действительно видели то, что изобразили?

Я кивнул.

– Взгляните сами, – протянул он мне рисунки.

Они были в чём-то похожи, но линии соединялись под разными углами, да и центровка их в зрительной сфере была разной.

– Да, странно… Я бы хотел сохранить ваш рисунок, мне надо над ним поразмыслить… Я планирую издать атлас марсианских каналов.

Я не возражал, но в свою очередь обратился к нему с просьбой показать мне Венеру. На её рыжеватой сфере также оказалась паукообразная сеть линий, напоминавших какой-то замысловатый иероглиф. Тоже каналы?

– Да, структура похожая, – сказал профессор. – Всё это надо изучать. Потому необходимо строить обсерваторию.

Не знаю, что вышло из этого проекта, потому что я на следующий день вернулся в Рим.

Атлас профессор действительно издал, потому что через полгода я обнаружил его на столе у римского окулиста, к которому зашёл заменить треснувшее стекло в моих очках. Окулист был итальянец, когда-то практиковавший в Лондоне и потому сносно говоривший по-английски.

– Что вы об этом думаете? – спросил я его, указывая на книгу.

– Очень интересно. Теперь все будут писать о древней цивилизации марсиан.

– А вы не верите, что она существовала?

– Я верю в одну вещь – в то, что Персеваль действительно видел то, что рисовал.

– Значит, это всё правда?

– Вот этого я не говорил.

– Но если он это наблюдал…

– Вопрос в том, что он на самом деле наблюдал.

Я рассказал ему, что недавно смотрел в телескоп Персеваля, но видел несколько другую сеть каналов.

– Вот именно, – сказал окулист. – Всё зависит от того, кто на это смотрит.

– Но есть же объективная реальность!

– Конечно, она есть. Вопрос в том, как отделить объективное от субъективного, то есть то, что видит наблюдатель, от того, что реально существует. Персеваль использовал двадцатичетырёхдюймовый телескоп. Он пишет в своей книге, что лучше всего видел сетеобразную структуру Венеры когда отверстие окуляра было меньше половины миллиметра. Знаете, что мне это напомнило? Окулисты пользуются такой настройкой, когда изучают катаракту в глазу больного или расположение сосудов на его сетчатке: при узком отверстии окуляра тени сосудов становятся видимыми.

– Вы хотите сказать…

– Да нет, я ничего не хочу сказать. Я просто сообщил вам факты, а уж выводы делайте сами.

Я сидел на скамейке в парке около Пиацца Витторио Эмануэле напротив живописных развалин. Дети на соседней скамье старательно вылизывали джелатто[2], не забывая в то же время оставить след на звуковой палитре предвечернего часа. Я думал: неужели Персеваль столько лет изучал тени сосудов в собственном глазу, полагая, что это каналы на Марсе и на Венере? Все эти рисунки, атлас двух «планет»… праздник напрасного труда… Даже если он сам поймёт, что произошло, он будет гнать от себя эту мысль, как мы гоним прочь мысли о небытии. Но что будут о нём думать следующие поколения? Что станут говорить о его трудах на бессловесном суде времени, где будущее – наш высокомерный обвинитель, а прошлое – робкий и забывчивый защитник? Впрочем, не всех ли нас рано или поздно посылают принести откуда-то время – и мы идём за ним, набираем, сколько можем унести, но затем теряем его по дороге, оно высыпается из наших часов, как сливы из дырявой авоськи. Thequestofyourlife…[3] И если искать во всей этой истории какой-то высший смысл, то что можно здесь найти? Пожалуй, ничего, кроме, конечно, самоочевидного: на что бы мы ни глядели, мы глядим внутрь себя.

(2012)

[2] Мороженое.
[3] Приключение (поиск) твоей жизни (англ.).

Вариант 2

Николай Николаевич Ушаков (1899–1973)

* * *

Я рифмы не боюсь глагольной –
пусть вольной ласточкой летит,
но пусть за ласточкою дольней
травинки
дождик шевелит.

Не символические розы
и не орнаментальный стих,
а эти капли,
эти росы
и отраженья сердца в них.

В них –
всех предметов очертанья,
изображенья всех примет,
которым найдено названье,
которым и названья нет.

В них – всё,
что горько,
всё, что сладко,
всё, что манит
и что зовёт,
что, поместившись без остатка,
в том малом зеркальце живёт.

Не кратковременная мода
и не проблемный фельетон,
весь мир –
все люди,
вся природа,
вся суть пространств,
весь смысл времён,
и это небо дождевое,
и это солнце за дождём,
и этих
непременных двое,
накрывшихся одним плащом.

(1967)

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёхбалльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятёрке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценки	**Баллы**
Понимание текста: последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	0–15
Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	0–10
Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Итого:	40

Всего 75 баллов.